

С.А. Суханов

Истериический характер и истерические проявления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
С11

С11 **С.А. Суханов**
Истерический характер и истерические проявления / С.А. Суханов – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 52 с.

ISBN 978-5-458-38268-7

Клиническая монография признанного мастера ярких насыщенных описаний психиатрических случаев - профессора психиатрии Суханова Сергея Алексеевича.

ISBN 978-5-458-38268-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

наоборотъ, низшіе психическіе аппараты при истеріи диктуютъ свои требованія сознательнымъ актамъ и поступкамъ, давая имъ свою окраску и свое направленіе. Съ другой стороны, и образы фантазій, очень надряженные и интенсивные, въ свою очередь, оказываютъ въ этомъ случаѣ на низшую психику вліяніе, измѣняя и извращая ея правильныя проявленія, но не руководя ею. Лишенная высшаго руководства и разумнаго направленія, низшая психика истерическаго субъекта служитъ весьма удобною почвою для различныхъ вліаній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, т. е. берущихъ начало въ самомъ организмѣ; а это создаетъ чрезвычайно благопріятныя условія для самыхъ разнообразныхъ внушеній и самовнушеній, особенно, можетъ быть, для послѣднихъ.

Психическій инфантилизмъ при истеріи, своеобразный при этомъ инфантилизмъ, выражается, между прочимъ, въ томъ, что все, что воспринимается извнѣ или изъ внутреннихъ органовъ, оцѣнивается даннымъ индивидуумомъ крайне субъективно; объективная точка зрѣнія для него почти невозможна. Механизмъ, дающій получаемымъ впечатлѣніямъ окраску пріятнаго или непріятнаго, развитъ у истерическаго субъекта въ рѣзкой степени, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Индивидуумъ этого рода отличается какимъ-то чисто дѣтскимъ, наивнымъ эгоизмомъ; онъ любитъ, чтобы на него обращали вниманіе; ему нравится, что другіе удивляются ему, говорятъ о немъ; особенно онъ бываетъ въ восторгѣ и приподнятомъ самочувствіи, когда его поощряютъ и одобряютъ тѣ, мнѣніемъ кого онъ дорожитъ. У него развито болѣзненное самолюбіе, но самолюбіе не высокаго качества, иногда даже низкой пробы, самолюбіе инфантильнаго свойства. Такъ какъ текущая жизнь часто отвлекаетъ вниманіе окружающихъ отъ истерическаго субъекта, который, будучи взрослымъ по своимъ годамъ и оставаясь съ признаками психической дѣтскости, отъ этого страдаетъ по своему, то создается у него цѣлая система своеобразныхъ, курьезныхъ, причудливыхъ реакцій на внѣшнія впечатлѣнія, выражающаяся иной разъ въ такой формѣ, что она обращаетъ, дѣйствительно, вниманіе другихъ на истерическаго субъекта, что, въ сущности, ему и надо. И въ происхожденіи этихъ признаковъ помогаетъ ему, конечно, не высшій разумъ, не высшая сторона нашей психической дѣятельности, а нижнее сознаніе или безсознательная сфера; пользуясь ея тайными для насъ пружинами и пуская въ ходъ низшіе психическіе аппараты, которыми нормальный человѣкъ не въ состояніи пользоваться по своей волѣ и по своему желанію, онъ обладаетъ способностью обнаруживать существованіе такихъ механизмовъ, о какихъ извѣстно намъ потому только что существуютъ истерическіе субъекты; упомяну здѣсь, въ самой краткой формѣ, о томъ, напр., что случайный абсцессъ на пальцѣ можетъ дать при истеріи параличъ и полную потерю чувствительности всей руки; мысль, одно предствленіе о болѣзни ногъ можетъ вызвать параличъ ногъ, съ потерей чувствительности, съ контрактурами и т. д., и т. д.

Наблюдая внимательно за истерическимъ субъектомъ, легко убѣдиться въ томъ, что настроеніе его подвержено большаго колебаніямъ; у него необыкновенно легко совершаются переходы отъ дурного настроенія къ веселому, отъ искреннихъ, часто дѣтскихъ слезъ и плача къ смѣху, часто неудержимому; онъ находится нерѣдко въ состояніи неустойчиваго настроенія, и оно можетъ измѣниться у него, подъ вліяніемъ случайныхъ и ничтожныхъ моментовъ, въ ту или

другую сторону. Онъ производитъ впечатлѣніе чловѣка чувствительнаго, сантиментальнаго, но это выражается у него односторонне; эта сантиментальность обнаруживается въ связи съ впечатлѣніями, касающимися личной и интимной жизни; тутъ она сказывается рѣзче всего; это будетъ, если можно такъ сказать, сантиментальность частичная, инфантильная.

Однако настроеніе у истерическаго субъекта можетъ быть и длительно непріятнымъ, угнетеннымъ или, наоборотъ, ажитированнымъ, приподнятымъ. Иной разъ онъ чувствуетъ себя дурно, плохо настроенъ, капризенъ, раздражителенъ; ему трудно угодить; всѣмъ и всѣмъ онъ недоволенъ, на все и на всѣхъ жалуется, придирается, требуетъ по отношенію къ себѣ особыхъ заботъ, вниманія, не можетъ ничѣмъ заниматься, плохо ѣстъ и спитъ. Иной же разъ онъ находится въ приподнятомъ самочувствіи, доволенъ своей судьбой, много и неутомимо работаетъ, не чувствуя усталости; и если окружающіе обращаютъ на это вниманіе и если ему удастся приковать, хотя бы на время, къ себѣ ихъ вниманіе, онъ проявляетъ еще болѣе усиленную дѣятельность, еще большую нервную приподнятость; и эта лихорадочная дѣятельность, эта повышенная работоспособность, конечно, ненадежна въ томъ отношеніи, что она можетъ быстро оборваться, прекратиться или направиться на что-либо другое. Чтобы быть хорошо настроеннымъ, истерическій субъектъ нуждается въ постоянномъ одобреніи, въ похвалахъ, въ томъ, чтобы другіе поощряли его и восторгались его дѣятельностью; и наблюденіе показываетъ, что онъ можетъ, дѣйствительно, много работать, быть чрезвычайно полезнымъ въ своихъ заботахъ о близкихъ, о родныхъ, о тѣхъ, кому онъ желаетъ помочь; но бываетъ такъ, что, среди разгара этой полезной дѣятельности, могутъ вдругъ возникнуть какіе-нибудь рѣзкіе истерическіе признаки, какъ-то: обмороки, припадки и пр. Не всегда удается опредѣлить, отъ чего происходитъ эта перемена въ настроеніи истерическаго субъекта; она можетъ зависеть отъ массы условій, отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ неудовлетворенія болѣзненнаго самолюбія, отъ многого, что можно предполагать и что остается неизвѣстнымъ ни самому истерическому субъекту, ни окружающимъ, которымъ приходится часто ломать голову надъ тѣмъ, почему въ немъ происходитъ эта перемена въ настроеніи. Дѣло въ томъ, что истерическій индивидуумъ, какъ мы видѣли, воспринимаетъ вѣщныя впечатлѣнія въ нѣсколько извращенномъ видѣ по отношенію къ своему «я»; кромѣ того, онъ находится во власти образовъ фантазіи, которые могутъ задавать тонъ всему психическому аппарату и командовать имъ. Управляя по своему произволу нижнимъ сознаніемъ, эти образы фантазіи могутъ оказывать на измѣненіе настроенія огромное вліяніе, часто даже не воспринимаемое отчетливо самимъ субъектомъ. Образы же фантазіи, не руководимые высшимъ разумомъ и высшими сознательными процессами, находятся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ вѣщныхъ впечатлѣній и ощущеній отъ внутреннихъ органовъ (отъ такъ назыв. органическихъ ощущеній, отъ того, что французы называютъ *цестезіей*).

Итакъ, мы видѣли, что истерическій субъектъ можетъ быть полезенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для другихъ, можетъ быть иной разъ безкорыстнымъ и преданнымъ работникомъ; но это дѣлается имъ не изъ высокихъ альтруистическихъ побужденій, а для удовлетворенія болѣзненнаго самолюбія, изъ желанія показать себя въ

особомъ видѣ, окруженнымъ какимъ-то ореоломъ; но надо сказать, однако, что, начавши съ этого, руководствуясь вначалѣ этимъ мотивомъ, истерическій субъектъ увлекается, входитъ въ свою роль, убѣждаетъ самого себя при помощи самовнушенія, что онъ работаетъ изъ-за идеи, и на время исчезаютъ изъ его сознанія мысли и желаніе порисоваться и обратить на себя вниманіе; однако такое психическое состояніе, благотворно вліяющее на истерическую психику, длится недолго, и обыкновенно обнаруживается рано или поздно, что истерическій индивидуумъ проявлялъ такую лихорадочную и самоотверженную дѣятельность не изъ-за идеи, а изъ другихъ побужденій. Эти кажущіяся положительныя качества, это приподнятое стремленіе къ альтруистическимъ поступкамъ проявляется все-таки у тѣхъ истерическихъ субъектовъ, у которыхъ нравственные чувствованія отъ природы нѣсколько развиты; тамъ, гдѣ эти чувствованія при истеріи слабы вслѣдствіе аномалій, притомъ прирожденныхъ, въ организаціи психического механизма, поведеніе истерического индивидуума можетъ оказаться чрезвычайно непріятнымъ, тягостнымъ и мучительнымъ для окружающихъ, близкихъ, родныхъ; и въ этихъ случаяхъ онъ можетъ доходить до издѣвательства и жестокости по отношенію къ другимъ; и здѣсь нельзя уже увлечь такого субъекта на путь альтруистическихъ поступковъ и дѣйствій. При слабыхъ моральныхъ задержкахъ онъ будетъ не только капризничать, самолюбивъ, не только наивенъ въ своемъ эгоизмѣ; онъ будетъ при этомъ обнаруживать въ своемъ поведеніи отсутствіе любви, привязанности и преданности къ кому-либо, кромѣ себя самого. Такимъ образомъ надо сказать, что у отдѣльныхъ индивидуумовъ при истеріи наблюдаются различныя степени развитія нравственныхъ чувствованій; если у однихъ изъ нихъ возможны внѣшнія проявленія сочувствія себѣ подобнымъ, иногда даже утрированныя, чисто истерическія, то у другихъ эти чувствованія представляютъ рѣзкую картину дефектности, изъясновъ, иногда очень грубыхъ въ этомъ отношеніи, напоминающихъ собою даже то, что извѣстно подъ названіемъ «*insanitas moralis*», нравственное помѣшательство.

Эстетическія чувствованія у истеричныхъ субъектовъ бываютъ развиты, какъ это понятно само собою, не въ одинаковой степени у отдѣльныхъ лицъ. Между ними встрѣчаются люди, имѣющіе признаки одаренности, таланта, способности, способные вдохновляться и выражать свой душевный подъѣмъ въ формѣ какихъ-либо музыкальных произведеній, въ видѣ стиховъ, вообще литературныхъ произведеній; но слѣдуетъ замѣтить, что они не обнаруживаютъ въ этомъ направленіи ни глубины ума, ни способности развиваться и совершенствоваться въ этомъ направленіи. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ умѣютъ обращать на себя вниманіе въ области живописи. На художественныхъ произведеніяхъ истерическихъ субъектовъ лежитъ печать утрировки, дѣланности, искусственности, крикливости, вычурности, и все это часто диктуется не непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ и настроеніемъ, а желаніемъ обратить на себя вниманіе, что и достигается нерѣдко въ этихъ случаяхъ истерическими субъектами. Художественныя произведенія ихъ имѣютъ, однако, лишь временный успѣхъ; они обыкновенно недолговѣчны, хотя могутъ быть иной разъ односторонне блестящи и изящны. Истерическіе субъекты, лишены эстетическихъ чувствованій, очень мелочны, скучны, прозаичны, и ихъ вниманіе сосредоточивается на

мелочахъ текущей и повседневной жизни; при этомъ многія изъ этихъ мелочей ими преувеличиваются, раздуваются фантазіями; и то, что не имѣетъ въ глазахъ другихъ людей никакого значенія, у истерическаго субъекта вызываетъ утрированную веселую или тоскливую реакцію.

Религіозныя чувствованія развиты у отдѣльныхъ истерическихъ индивидуумовъ неодинаково; скорѣе, въ общемъ, эти люди религіозны. Хотя иной разъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, они и могутъ обнаруживать отсутствіе обычныхъ религіозныхъ вѣрованій, но это диктуется у нихъ какими-либо сторонними, часто эгоистическими соображеніями, и нерѣдко прикрываетъ собою глубокія религіозныя вѣрованія, правда, чисто истерическія. Подъемъ религіознаго чувства у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ можетъ быть такъ великъ, такъ высокъ, что подъ вліяніемъ этого измѣняется ихъ самочувствіе, ихъ настроеніе проходятъ боли и пр. И если «вѣра можетъ двигать горами», то это больше всего подтверждается у истерическихъ субъектовъ.

У многихъ истерическихъ индивидуумовъ, особенно у женщинъ, нерѣдко бываетъ непріятное самочувствіе или прямо тоскливость; если эта послѣдняя обыкновенно вызываетъ у человѣка мысли о безцѣдности человѣческаго существованія, то при истерическомъ характерѣ субъектъ нерѣдко говоритъ о томъ, что у него тоска, что ему не хочется жить и что жизнь его тяготитъ. Нерѣдко онъ говоритъ объ этомъ съ улыбкой, какъ бы выставляя на показъ свою тоскливость, и онъ носитъ съ нею; чуть тоска становится почему-либо замѣтной, то онъ начинаетъ поговаривать и о томъ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Это разстройство душевнаго настроенія, въ видѣ тоскливости, иногда связано съ какими либо непріятными впечатлѣніями личнаго или интимнаго характера, о чемъ, впрочемъ, самъ индивидуумъ хорошо знаетъ и о чемъ онъ почему-то не желаетъ разсказать никому изъ близкихъ окружающихъ. Иной разъ это дурное настроеніе обуславливается пережитыми непріятностями, которыя хранятся у него въ бессознательной области и не поднимаются выше порога сознанія; и весьма возможно, что въ этихъ случаяхъ проявляется своеобразная самозащита собственнаго слабого психическаго механизма; если бы представить себѣ, что ушедшія куда-то вглубь пережитыя непріятности постоянно присутствуютъ въ сознаніи или легко въ немъ всплываютъ, то отъ этого такой субъектъ, инфантильный по своей невыносимости къ нимъ, страдалъ бы еще болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эти тягостныя впечатлѣнія скрываются изъ поля сознанія. Повидѣмому, иной разъ такому индивидууму станетъ легче, когда удастся ему, наоборотъ, вызвать въ область сознательнаго эти пережитыя непріятности; и это облегченіе достигается лишь въ томъ случаѣ, когда эти послѣднія нейтрализуются разумными сторонами высшей психики и когда, напр., субъектъ произведетъ переосмысленіе этихъ переживаній, разсмотритъ ихъ съ иной точки зрѣнія, взглянетъ на нихъ иначе, ранѣе, не такъ какъ прежде, когда онъ отнесся къ нимъ, какъ человѣкъ съ инфантильной психикой. Но среди тоскливости, иногда длительной и очень стойкой; обыкновенно существуетъ при истерическомъ характерѣ и склонность развеселиться, смѣяться съ увлеченіемъ, до слезъ; и въ этомъ отношеніи истерическій субъектъ похожъ на взрослаго ребенка, и въ этомъ сказывается его дѣтскость и инфантильность.

Что касается высшихъ сторонъ психической дѣятельности, сторонъ чисто интеллектуальныхъ, то надо сказать, что при истерической организаціи нѣтъ полной гармоніи между различными психическими механизмами, составляющими наше «я»; но этого мало, ибо это опредѣленіе слишкомъ обще, слишкомъ суммарно и ибо то же самое можно сказать и про лицъ съ другой патологической организаціей нервно-психической системы; у истерическихъ индивидуумовъ образы фантазіи, какъ мы указывали уже выше, имѣютъ огромное значеніе, часто выдвигаясь на первый планъ и заполняя собою сознание; вслѣдствіе того, что многое, такъ или иначе ихъ касающееся, воспринимается ими въ извращенномъ видѣ, происходящее вокругъ нихъ оцѣнивается ими неправильно вѣрно, неточно, съ прибавкой субъективнаго элемента, выражающагося въ появленіи эмоциональнаго элемента, не соответствующаго дѣятельности. И въ этомъ заключается одинъ изъ главныхъ интеллектуальныхъ дефектовъ истерической психики.

Далѣе, у индивидуумовъ этого рода можно отмѣтить особенную способность сосредоточиваться на отдѣльныхъ представленіяхъ, ими пережитыхъ или извращенныхъ образами фантазіи, и эти представленія могутъ достигать у нихъ большой интенсивности, яркости; становясь превалирующими въ полѣ сознанія въ данный моментъ, они вытѣсняють собою остальное содержимое изъ сознанія. Съ другой стороны, у тѣхъ же лицъ наблюдается способность приводить себя въ такое состояніе, что ихъ ясное сознаніе оказывается какъ бы пустымъ, лишеннымъ на время какого-либо содержанія, и при этомъ психическая дѣятельность сводится главнымъ образомъ къ автоматической дѣятельности безсознательной области или нажняго сознанія.

Мы уже упоминали о томъ, что психика истерическаго субъекта подвержена самовнушеніямъ и внушеніямъ, и этотъ признакъ выдающій здѣсь такъ рѣзко, какъ ни при какой другой нервно-психической организаціи.

Чтобы показать, въ чемъ, напр. сказывается эта способность къ самовнушеніямъ, необходимо привести нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Иной разъ стоятъ подумать истерическому субъекту, что у него нѣтъ аппетита, и у него дѣйствительно понижается или даже совсѣмъ пропадаетъ на время всякое влеченіе къ пищѣ; возникаетъ у него мысль о томъ, что у него должна болѣть рука или нога потому, что, по мнѣнію его, былъ для этого достаточный поводъ, и у него, дѣйствительно, можетъ появиться боль въ видѣ истерической невралгіи. Истерическій субъектъ, воображавшій, что у него туберкулезъ легкихъ, будетъ сильно и страшно кашлять, будетъ страдать временно одышкой и мучиться отъ этихъ страданій дыхательныхъ органовъ. Внушивши себѣ, что у него порокъ сердца, такой индивидуумъ будетъ обнаруживать признаки сердеченія, аритміи сердечной дѣятельности и проч. Если ему покажется, что у него слабы ноги, онъ представляетъ изъ себя больного, которому трудно ходить, по крайней мѣрѣ временами. У него, подъ вліяніемъ самовнушенія можетъ быть заиканіе, расстройство рѣчи, затрудненіе глотанія и пр., и пр. У истерическаго субъекта эти воображаемыя страданія, иногда очень упорныя и съ трудомъ устранимыя, присоединяются къ дѣйствительнымъ, къ реальнымъ заболѣваніямъ и страданіямъ; напр., случится у такого индивидуума болѣзнь горла,

и окажется несоответствие между физической болѣзью и субъективными симптомами; и ничтожная болѣзнь горла можетъ дать тяжелую картину затрудненнаго дыханія съ синюхой и т. д. Этотъ истерическій элементъ, происходящій изъ самовнушеній, осложняется собою нерѣдко многія физическія страданія, и иногда можетъ смущать неопытнаго врача или человѣка, незнакомаго съ этимъ.

Кромѣ самовнушеній, психика истерическаго субъекта чрезвычайно воспріимчива къ вѣшнимъ внушеніямъ; но понятно само собою, что и въ этомъ отношеніи проявляется также извѣстная односторонность, ибо не всякія воздѣйствія извнѣ воспринимаются одинаково хорошо истерической психикой; для того, чтобы внушеніе извнѣ было воспринято, необходимо, чтобы оно совпадало съ его тайными желаніями и внутренними побужденіями; необходимо, чтобы онъ самъ хотя бы смутно былъ настроенъ въ униссонъ съ тѣми воздѣйствіями, которыя доходятъ до его сознанія извнѣ въ данный моментъ. Въ противномъ случаѣ, впечатлѣнія изъ вѣшняго міра, отъ окружающихъ проходятъ иной разъ какъ бы мимо; ибо въ этихъ случаяхъ самовнушенія перевѣшиваютъ то, что даетъ импульсъ истерической психикѣ извнѣ. Способность къ внушеніямъ выражается, между прочимъ, при истеріи въ томъ, что субъектъ становится доступнымъ такъ назыв. гипнотическимъ внушеніямъ, когда онъ позволяетъ другому лицу управлять его психическимъ механизмомъ; и это рѣже всего сказывается тогда, когда самъ субъектъ желаетъ этого, когда онъ ищетъ этого, когда онъ находится въ подходящихъ для этого условіяхъ; тутъ также огромную помощь оказываютъ его собственные самовнушенія, безъ участія которыхъ и при противодѣйствіи которыхъ и гипнотическое внушеніе можетъ совсѣмъ не обнаружиться.

Теперь я хотѣлъ бы остановиться на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ особенностей въ поведеніи, манерѣ держаться, въ способѣ выражать свои мысли и желанія и пр. у истерическаго субъекта; но прежде необходимо, думается мнѣ, сказать, хотя бы вкратцѣ, о значеніи половыхъ чувствованій въ жизни индивидуумовъ такого рода. Зная, что эти послѣдніе, вообще, много занимаются собственными, личными переживаніями, зная, что въ ихъ жизни играютъ большую роль эмоціональные процессы, выражающіеся въ формѣ пріятнаго или непріятнаго настроенія, чрезвычайно подвижнаго и утрированнаго въ этихъ случаяхъ, уже а priori можно предположить, что половыя чувствованія должны играть особенное и притомъ своеобразное значеніе въ психической жизни истерическаго субъекта. Въ публикѣ, какъ извѣстно, распространены свои взгляды, правда, шаблонные, ходячіе, узкіе и односторонніе; если и есть въ этихъ взглядахъ извѣстная доля истины, то она касается опредѣленной группы истерическихъ субъектовъ и не всѣхъ ихъ безъ исключенія; и притомъ, здѣсь дѣло обстоитъ, конечно, не такъ просто, какъ это принято думать.

Половыя чувствованія развиты у истерическихъ субъектовъ неодинаково въ отдѣльныхъ случаяхъ; такъ какъ эти чувствованія имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ личной жизни индивидуума и такъ какъ они, вообще, облакаются таинственностью, то при истеріи они проявляются обыкновенно въ причудливой формѣ, ибо и здѣсь фантазія и самовнушенія даютъ о себѣ знать. Романтическое увлеченіе у истерическаго субъекта нерѣдко сопровождается послѣдующимъ разочарованіемъ, также доходящимъ до крайности; если въ періодъ увле-

ченія онъ въ своихъ инфантильныхъ фантазіяхъ уносится изъ міра реального, сосредоточиваясь лишь на переживаніи пріятныхъ чувствованій, то затѣмъ онъ какъ бы просыпается, приходитъ въ себя; и тутъ житейскія непріятности и разочарованія заставляютъ спуститься его на землю, причемъ и въ этомъ случаѣ онъ попадаетъ въ новую крайность: Лишенный чувства любви и чувства реальности, истерическій субъектъ, при этихъ своихъ переживаніяхъ, остается иногда какъ бы внѣ дѣйствительности.

Въ жизни приходится часто видѣть, что истерическій субъектъ, превозносящій сегодня того, кѣмъ онъ увлеченъ и кого онъ обожаетъ, въ скоромъ времени можетъ начать бранить и поносить этого человека, т. е. онъ переходитъ изъ одной крайности въ другую. Впрочемъ, надо сказать, что не всѣ истерическіе индивидуумы такъ рѣзко непостоянны въ своихъ чувствованіяхъ и привязанностяхъ; иной разъ ихъ привязанность къ лицу другого пола является стойкой, упорной; какъ и въ другихъ обстоятельствахъ, такъ и здѣсь они обнаруживаютъ массу странностей и причудъ; тому, на кого направлены ихъ вниманіе и расположеніе, нерѣдко приходится переживать много различныхъ непріятностей; тутъ будутъ разныя сцены, истерическія выходки, обмороки, припадки; истерическія рыданія; тутъ будетъ стремленіе во что бы то ни стало приковывать вниманіе къ своей личности, удерживать около себя предметъ обожанія; тутъ будетъ ревность по отношенію къ нему, ревность тягостная и мучительная для него. Романическое увлеченіе захватываетъ всего человѣка при истеріи; оно отвлекаетъ его еще болѣе отъ міра реального; оно дѣлаетъ его сознаніе въ данный періодъ времени очень узкимъ, ограниченнымъ, мало доступнымъ другимъ вѣдѣніямъ; оно выводитъ еще больше изъ равновѣсія его инфантильную психику; и всякія непріятности, находящіяся въ тѣсной связи съ этимъ романическимъ увлеченіемъ, онъ переноситъ плохо, по-дѣтски, съ капризами, съ причудами, ибо своему чувству онъ отдается непосредственно, забывая о многомъ, погружаясь въ свои переживанія, осложненные фантазіями и самовнушеніями. У нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ романическія увлеченія могутъ быть непостоянны, легко измѣнчивы; въ другихъ случаяхъ они стойки; и если здѣсь наступаетъ разочарованіе или если увлеченіе связано съ моральнымъ потрясеніемъ, то остается на долгое время слѣдъ непріятнаго характера въ психикѣ истерическаго индивидуума; и это сказывается не въ формѣ навязчивой мысли, это выражается обыкновенно въ видѣ длительного дурнаго настроенія, на фонѣ котораго обнаруживаются отъ времени до времени истерическіе припадки или обмороки и всплываютъ мысли и желанія прекратить свое существованіе; причемъ, значительная часть этой личной трагедіи разыгрывается въ области низшихъ психическихъ механизмовъ; въ сферѣ безсознательнаго; до сознанія же доходятъ нерѣдко въ этихъ случаяхъ лишь смутныя, неясныя эмоціональныя переживанія.

Надо добавить еще, что самыя половыя чувствованія у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ ведутъ къ болѣе рѣзкому обнаруженію истерическихъ признаковъ: интенсивность этихъ чувствованій, въ періодъ ихъ наибольшаго развитія, осложненная внушеніями и самовнушеніями, даетъ рядъ обмороковъ, припадковъ, другихъ истерическихъ проявленій; но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ нерѣдко существуетъ соотвѣтствующая анестезія по отношенію къ низшимъ физиологическимъ актамъ сексуальнаго характера.

Многія истерическія лица наклонны къ кокетству, любятъ, чтобы за ними ухаживали представители другого пола; и неудовлетворенное самолюбіе или какая-либо обида въ этомъ отношеніи ведутъ къ чисто дѣтскимъ, инфантильнымъ выходкамъ и капризамъ.

Истерические субъекты, особенно женщины, часто одѣваются причудливымъ образомъ, и ихъ костюмъ нерѣдко выдѣляется среди другихъ; въ своемъ поведеніи экзальтированные истерические субъекты проявляютъ тѣ же причуды, обращающія на нихъ вниманіе многихъ окружающихъ, что, въ сущности, имъ и нужно. Впрочемъ слѣдуетъ оговориться, что это касается извѣстной категоріи истеричныхъ, но не всѣхъ ихъ безъ исключенія. Какъ мы видѣли выше, многія изъ лицъ данной организациі стараются привлечь вниманіе другихъ не физическими признаками, а своими душевными особенностями, что и заставляетъ ихъ и вести себя соответственно этому.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе тяжелымъ истерическимъ признакамъ и проявленіямъ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на то, какими особенностями отличаются воспринимающіе органы чувствъ у индивидуумовъ этой категоріи; у нихъ наблюдаются въ этомъ отношеніи характерныя особенности; именно, во многихъ случаяхъ существуетъ повышенная чувствительность, доходящая до гиперестезіи; многія лица съ истерической перво-психической организацией самъ указываютъ на то, что ихъ слуховой аппаратъ отличается значительной остротой; и иногда, дѣйствительно, они могутъ слышать ясно и отчетливо то, что недоступно или мало доступно обыкновенному человеку; они могутъ слышать ползаніе по стѣнѣ мухи или какого-либо другого небольшого насекомого; они хорошо различаютъ ничтожные порохи. Ихъ зрѣніе, если нѣтъ, конечно, физическихъ соответствующихъ аномалій, также нерѣдко оказывается настолько тонкимъ и острымъ, что даетъ имъ возможность видѣть то, что другой человекъ не можетъ разглядѣть при прочихъ равныхъ условіяхъ. Истерические субъекты весьма чувствительны къ обонятельнымъ и вкусовымъ ощущеніямъ; они различаютъ тонко и правильно неуловимые для обыкновеннаго человека запахи; они различаютъ иной разъ какимъ-то образомъ по запаху ~~тѣла~~ считающіяся не пахучими, напр., многіе металлы. Тѣ же признаки повышенной чувствительности наблюдаются у нихъ и по отношенію къ общему чувству, къ тактильнымъ раздраженіямъ и пр.

Интересно отмѣтить, что вмѣстѣ съ этой гиперестезіей со стороны органовъ чувствъ при истерической конституціи наблюдается и рядъ признаковъ, указывающихъ на измѣны въ той или другой области этихъ воспринимающихъ аппаратовъ. Иной разъ истерическій субъектъ слышитъ ничтожные и неуловимые звуки, которые могутъ даже его раздражать и тревожить; иной же разъ тотъ же субъектъ какъ-будто не слышитъ и не воспринимаетъ громкаго разговора и даже обнаруживаетъ кажущуюся тугодость слуха; и эти колебанія могутъ у него совершаться въ широкихъ размѣрахъ, притомъ въ теченіе короткаго времени. То истерическій индивидуумъ обнаруживаетъ острое зрѣніе, то оно у него словно притупляется и ослабляется. Болѣе стойкія и постоянныя явленія гиперестезіи наблюдаются въ этихъ случаяхъ со стороны обонянія и вкуса. Воспринимающій аппаратъ общаго чувства характеризуется при истеріи сочетаніемъ признаковъ, указывающихъ на гиперестезію и одновременную анестезію, то тактильную, то болевую, но иного рода.

II.

Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ истерическихъ проявленій наблюдаются болѣе рѣзкіе и болѣе яркіе психическіе признаки, равно какъ и физическіе. Если, говоря объ истерическомъ характерѣ, было болѣе удобно прежде всего остановиться на разсмотрѣніи основныхъ психическихъ особенностей, ему присущихъ, то тамъ, гдѣ будетъ рѣчь о болѣе тяжелыхъ формахъ истерическаго психонейроза, удобнѣе изучить сначала тѣ признаки, которые выражаются въ формѣ физическихъ симптомовъ, но которые имѣютъ психогенное происхождение. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ при истеріи, констатируемыхъ при медицинскомъ изслѣдованіи, считаются измѣненія чувствительности разнаго рода. Нерѣдко здѣсь наблюдается утрата чувствительности на поверхности тѣла въ томъ или другомъ участкѣ его, въ формѣ половинной анестезіи, въ видѣ геміанестезіи; степень этой послѣдней бываетъ различная и по своей силѣ, и по своему распредѣленію; въ болѣе легкихъ случаяхъ расстройство чувствительности выражается въ томъ, что одна половина, обыкновенно лѣвая, воспринимаетъ болевые и тактильные впечатлѣнія слабѣе, чѣмъ правая; и это обнаруживается и на туловищѣ, и на конечностяхъ, и на лицѣ. Иногда эта геміанестезія такъ значительна, что индивидуумъ не испытываетъ боли даже при довольно значительныхъ уколахъ булавкой, которую можно прямо буквально втыкать въ кожу. Утрата чувствительности, въ формѣ геміанестезіи, какъ было только что сказано, чаще всего бываетъ съ лѣвой стороны, т. е. съ той, на которой расположено сердце; но она можетъ быть, конечно, и справа, хотя это встрѣчается обыкновенно рѣже.

Вѣдѣтъ съ пониженіемъ и даже съ полной утратой чувствительности, болевой и термической, въ лѣвой половинѣ тѣла, у истерическихъ субъектовъ существуютъ нерѣдко также аналогичныя расстройства и со стороны другихъ органовъ чувствъ; напр., со стороны глазъ часто констатируется суженіе поля зрѣнія, неодинаковое съ обѣихъ сторонъ и въ различной степени; здѣсь можетъ быть простое ослабленіе воспримчивости зрительныхъ впечатлѣній; тутъ бываетъ то или другое расстройство цвѣтоощущенія; тутъ дѣло можетъ дойти даже до полной слѣпоты (амавроза). Со стороны слуха у истерическихъ субъектовъ отмѣчается иногда пониженіе его съ одной стороны, напр., слѣва; приходится видѣть случаи и истерической глухоты. То же самое надо сказать и по отношенію къ органамъ обонянія и вкуса. Интересно, что всѣ эти симптомы, даже самые тяжелые съ вѣншей стороны, не имѣютъ въ своей основѣ анатомической подкладки и являются чисто функціональными, психическаго происхожденія, психогенными, т. е. могутъ возникать и исчезать подъ вліяніемъ психическихъ моментовъ. Кромѣ симптомовъ выпаденія тѣхъ или иныхъ функций, связанныхъ съ органами чувствъ, при истеріи могутъ быть совершенно обратныя явленія, т. е. признаки раздраженія этихъ воспринимающихъ аппаратовъ, въ формѣ невыносливости къ свѣтовымъ и слуховымъ впечатлѣніямъ, въ видѣ физическихъ болей, иногда упорныхъ, трудно устранимыхъ и странно иногда локализованныхъ. То же касается и слезистыхъ оболочекъ.

Аналогичныя расстройства наблюдаются при истеріи и въ психомоторной области; здѣсь могутъ быть явленія выпаденія той или другой функции или, обратно, признаки раздраженія. Хорошо изучены

и извѣстны истерическіе параличи, выражающіеся въ формѣ прекращенія произвольныхъ движеній или въ половинѣ тѣла, чаще слѣва, нежели справа, или въ той или другой конечности; и тогда получается то гемиплегія (половинный параличъ), то моноплегія (параличъ руки или ноги); иногда же у истерическихъ индивидуумовъ обнаруживается параличъ ногъ или рукъ, что носитъ названіе параплегія; чаще бываетъ параличъ ногъ (нижняя параплегія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не доходитъ до полного паралича, и тогда мы говоримъ о томъ, что та или другая часть тѣла находится въ состояніи слабости, т. е. пареза. И опять-таки необходимо подчеркнуть тотъ фактъ, что всѣ эти симптомы паралича или пареза не имѣютъ анатомической подкладки, являясь чисто психогенными признаками. Среди всѣхъ этихъ двигательныхъ расстройствъ, съ характеромъ выпаденія функций, расстройствъ чрезвычайно разнообразныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, иной разъ встрѣчаются признаки пареза или паралича такихъ мышечныхъ группъ или отдѣльныхъ мышцъ, которыя приходятъ въ сокращеніе, при произвольныхъ движеніяхъ, вмѣстѣ съ другими двигательными приборами и которыя не могутъ быть приведены нами въ сокращеніи отдѣльно; при истеріи же можетъ встрѣчаться подобное расстройство въ мышечномъ аппаратѣ, симулируя въ такихъ случаяхъ чисто анатомическое страданіе и оставаясь психогеннымъ по своему происхожденію. Въ числѣ двигательныхъ расстройствъ, но болѣе сложныхъ, надо отмѣтить существованіе у истерическихъ субъектовъ своеобразнаго расстройства походки, и въ такихъ случаяхъ наблюдается невозможность ходить и держаться на ногахъ; это будетъ то, что называется истерической абазіей-астазіей. Помимо симптомовъ выпаденія двигательныхъ функций, при истеріи наблюдается рядъ обратныхъ признаковъ, указывающихъ на явленія раздраженія, усиленной, хотя и нарушенной функции.

Здѣсь надо упомянуть о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ рядъ явленій патологическаго характера, иногда стойкихъ и упорныхъ, выражающихся въ формѣ трясенія различнаго рода, подергиваній, судорогъ; нерѣдко приходится встрѣчать очень тяжелыя съ вѣшной стороны контрактуры, не позволяющія выпрямлять страдающую конечность. Что касается рѣчевого аппарата, то здѣсь могутъ быть при истеріи то заиканіе, то дрожащая рѣчь, то невозможность говорить, доходящая до утраты способности выражать свои мысли членораздѣльно, до афазіи; иной разъ здѣсь наблюдается неспособность произносить громко звуки и слова; это будетъ то, что называется афоніей. Аналогичныя расстройства обнаруживаются и по отношенію къ способности писать или играть на музыкальныхъ инструментахъ. Подъ вліяніемъ психогенныхъ моментовъ при истеріи развиваются разнаго рода кожные симптомы, напр. краснота, мѣстные отеки, сыпи на тѣлѣ и пр., быстро возникающіе и быстро исчезающіе.

Симптомы, о которыхъ была рѣчь выше, какъ двигательныя, такъ и со стороны чувствительности, встрѣчаются, конечно, не въ каждомъ случаѣ; они не постоянны въ отдѣльныхъ случаяхъ; одинъ изъ нихъ, какъ, напр., половинная анестезія тѣла встрѣчается часто, даже весьма часто, особенно не въ рѣзко выраженной формѣ; другіе относятся къ рѣдкимъ явленіямъ. Однимъ изъ характерныхъ и почти обязательныхъ симптомовъ при истерической нервно-психической организаціи является своеобразное ощущеніе сжиманія въ